

МИГРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
Том 4 ● Номер 2 ● Апрель-июнь 2019
ISSN 2587-6120
Migration and Social Development

издательство Креативная экономика

Миграция в XXI веке: вызовы сложившемуся миропорядку

Копылов Д.А.[1]

[1] МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ:

В статье предлагается новый взгляд на социокультурное определение миграции. Автор анализирует различные стратегии, с помощью которых страны ОЭСР, проявляя политическую волю, решают данную проблему. Исследование показало, что первым этапом должно стать построение более совершенной системы миграционного учета, который в полной мере охватит туристов, студентов и квалифицированную трудовую силу (отток которой носит название «утечки мозгов»). Тем не менее миграция в экономическом смысле связана лишь с пересечением государственной границы, тогда как сообщества-реципиенты огорожены невидимыми человеческим глазом ценностными рубежами. Поэтому предлагается новый взгляд на отношение политических институтов к этому понятию. Выводы данной статьи могут быть применены при измерении качественных последствий миграции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграция, беженцы, утечка мозгов, межкультурное взаимодействие, диаспора, ассимиляция

Migration in the 21st century: challenges to the existing world order

Kopylov D.A.[1]

[1] MGIMO University, Russia

Введение

Международная миграция, являясь одним из главных вызовов современности, нередко оценивается политиками и специалистами как непреодолимая проблема. Хотя долгое время было известно, что определенные события (такие как войны, политические или религиозные преследования) вызывали массовый исход населения из привычных мест проживания, только глобализация привела к существенному увеличению числа мигрантов. Особенно остро проблема поставлена сегодня, поскольку на уже упомянутую объективную реальность налагаются вооруженные конфликты в различных странах, нищета, политическая и экономическая нестабильность, которые вынуждают людей

оставлять собственные дома в поисках убежища, не говоря уже о природных катаклизмах и глобальном изменении климата.

Целью данной работы является анализ миграции с позиции экономической социологии и политической науки для поиска наиболее эффективного решения проблем, с которыми столкнулись развитые страны.

Новизна исследования состоит в составлении классификации мигрантов по различным критериям, а также классификации стратегических мер государственной политики, направленных на привитие культуры иммигрантам.

Теоретический подход к исследованию миграции

Многие организации в составе ООН занимаются изучением и поиском путей решения проблемы миграции. Тем не менее зачастую из рассмотрения упускается вся многогранность вопроса, чего избежали Каслс, Хаас и Миллер в своем труде [4, с. 112] (*Castles, De Haas, Miller, 2013*). С точки зрения миграции также важнейшим аспектом являются государственные границы и то, ради чего их пересекают. Некоторые исследователи считают, что основной ориентир — запрос на изменения в жизни. В связи с этим логичнее рассматривать государственные границы в качестве неких ценностных рубежей, которые и разделяют массы людей. Тогда внутренняя миграция, например,

ABSTRACT:

The article offers a new look at the sociocultural definition of migration. The author analyzes various strategies by which the OECD countries, showing political will, solve the problem of migration. The study showed that the first step should be the construction of a more perfect system of migration registration, which will fully cover tourists, students and skilled labor (the outflow of which is called \"brain drain\"). Nevertheless, migration in the economic sense is only associated with crossing the state border, while communities, the penetration of which is interpreted as migration, are surrounded by value lines invisible to the human eye. Therefore, the study offers a new look at both the sociocultural definition of migration and the attitude of political institutions towards this concept. The findings of this article can be applied in measuring the socio-cultural effects of migration.

KEYWORDS: migration, labor, refugees, brain drain, intercultural interaction, diaspora, assimilation, values

Received: 20.02.2019 / Published: 30.06.2019

© Author(s) / Publication: CREATIVE ECONOMY Publishers
For correspondence: Kopylov D.A. (Danii-l@mail.ru)

CITATION:

Kopylov D.A. (2019) Migratsiya v XXI veke: vyzovy slozhivshemusya miroporyadku [Migration in the 21st century: challenges to the existing world order]. *Migratsiya i sotsialno-ekonomicheskoe razvitie. 4.* (2). — 57—74. doi: 10.18334/migration.4.2.41317

из сельской местности в города, в сущности, является тем же самым феноменом. Для изучения вопроса границ также важно понимание «политики места», выделенной М. Ривз в узком и широком значении слова «политика» [23, с. 43]. Э. Ли уделяет внимание факторам принятия решения эмигрировать [18] (*Lee, 1966*), О.Д. Дункан проводит параллель между структурными реформами в стране и факторами миграции сельского населения [6, с. 12]. Получивший известность в связи с изучением прекариата как общественного класса Г. Стэндинг ранее представил свое исследование мобильности населения с позиций материализма [26, с. 175] (*Standing, 1981*).

Сложность представляет и малое число авторов, использующих междисциплинарный подход, как это делают Бреттелл и Холлифилд [3, с. 14] (*Brettell, Hollifield, 2014*). Они также рассматривают повышенную степень активности мигрантов, что несколько напоминает описание пассионарности по Л. Гумилеву. Дополнительную грань данной проблемы выделяет П. Кольер — т.н. «утечка мозгов» зачастую упускается из внимания [5, с. 259] (*Collier, 2013*).

Специалисты в различных областях сходятся в том, что актуальность миграции как проблемы возросла в XXI в., но сущность вопроса осталась прежней. Во-первых, возникают новые категории — сторонников и противников миграции среди граждан. Мигранты также становятся субъектами политического процесса — в качестве новых граждан, национальных диаспор и маргинальных анклавов. Во-вторых, немалую роль играют усилия сторон по ассимиляции либо интеграции мигрантов в уже существующее сообщество, что вызывает политические и культурные трансформации. Наконец, в краткосрочном периоде особенную важность имеют попытки тонкой настройки межкультурного взаимодействия.

Несомненно, для научной мысли плодотворна идея об объективном характере миграции и невозможности простого закрытия границ. С одной стороны, традиционный подход осложняет обустройство различных типов мигрантов и создание соответствующих институтов. С другой стороны, попытка противодействия миграции наталкивается на более серьезный фактор, ускоряющий, а не тормозящий или пресекающий перемещение людей из страны в страну, — это глобализация.

Отдельно стоит выделить временную несостоятельность миграции. На практике страны-доноры (предоставляющие мигрантов) и страны-реципиенты (принимающие мигрантов) по-разному ощущают на себе влияние процесса и получают взаимно противоположные преимущества и недостатки с поправкой на временной лаг решения и сезонности.

ОБ АВТОРЕ:

Копылов Даниил Алексеевич, магистрант 2-го курса (Danii-l@mail.ru)

ЦИТИРОВАТЬ СТАТЬЮ:

Копылов Д.А. Миграция в XXI веке: вызовы сложившемуся миропорядку // Миграция и социально-экономическое развитие. — 2019. — Том 4. — № 2. — С. 57–74. doi: 10.18334/migration.4.2.41317

Страна-реципиент обретает как преимущества, так и ограничители, травмирующие общество, буквально с каждым новым мигрантом. Если речь идет об экономическом эффекте, то субъекты занимают рабочие места, тратят ресурсы на потребление — в кейнсианской логике они работают на благо экономики. В общем случае они высылают средства на родину для поддержки оставшихся там родственников, что уже относится к текущим трансфертам, а также выбытию инвестиций из страны-реципиента. Однако для нее чистый выигрыш оказывается положительным за счет притока рабочей силы и экономии издержек. Важно, что эффект проявляется с момента вступления мигрантов в ряды рабочей силы на рынке труда реципиента. Что касается беженцев, более острой в странах Запада проблемы, страна-реципиент несет затраты с момента прибытия иностранных граждан.

Государства-доноры лишаются активной части населения, которая могла бы стимулировать собственную экономику. На практике такие граждане становятся лишними и не могут оказать влияния на ВВП сверх потенциального уровня, а также высокий уровень безработицы повышает социальную напряженность, и отток в таком случае приветствуется. Преимуществом является улучшение счета текущих операций платежного баланса по статье «текущие трансферты». Таким образом, благоприятное влияние на экономику страны, предоставляющую мигрантов, оказывает отток неквалифицированных или низкоквалифицированных мигрантов. Но если выезжают и не возвращаются высококлассные специалисты и уникальные ученые, то у стран-доноров нет возможности эффективно контролировать «утечку мозгов» (brain drain). С беженцами ситуация аналогичная: снимается часть текущих социальных и экономических проблем и нарастает снежный ком в виде необходимой будущей реинтеграции собственных граждан.

По методологии ООН мигрантом долгое время считался человек, живущий в другой стране на протяжении 12-ти месяцев или более. Недавно появилось деление на краткосрочную или временную миграцию (более трех месяцев) и долгосрочную, или постоянную, миграцию (более года). Важно, что изначально не придавалось значения мотивам, по которым покидали родину, однако в данный момент беженцы выделяются в отдельную категорию. Критерии ООН к числу беженцев относят тех, кто вынужден покинуть страну, опасаясь преследования на родине, военных конфликтов, общей атмосферы насилия или иных обстоятельств, когда общественный порядок серьезным образом нарушен. На практике нюансы имеют значение лишь на первых порах, поскольку различные виды миграции предполагают быстрый переход между этими состояниями.

Более того, критерии ООН в меньшей степени учитывают различия между трудовыми мигрантами и международным студенческим обменом, беженцами из зоны военного конфликта и политическими мигрантами и т.д. Длительность нахождения в той или иной стране представляет одну из нелегких для решения задач, особенно труден вопрос подсчета дней в легальном и нелегальном статусе в случае перехода миг-

Таблица 1

Классификация мигрантов (Classification of Migrants)

По критерию добровольности	Вынужденные	Добровольные
По виду мотивации	Политические	Экономические
По статусу въезда и пребывания	Легальные	Иррегулярные
По сроку	Краткосрочные (>3 мес.)	Долгосрочные (>12 мес.)

Источник: составлено автором.

рантов из первой категории во вторую [15, с. 185] (*Koser, 2010*). Также анализ осложняется тем, что зачастую невозможно определить момент, когда человек перестает быть мигрантом — становится гражданином другой страны, возвращается на родину или уезжает в третью страну.

По нашему мнению, существуют четыре основных критерия для классификации мигрантов (табл. 1). С некоторыми оговорками ее можно применять для анализа человеческих потоков в современном мире.

Во-первых, мигрантами становятся добровольно или вынужденно. Собственно, желание уехать не играет большой роли: важнее провоцирующие отъезд обстоятельства. К вынужденным мигрантам можно отнести беженцев, которые спасают свои жизни, а также жертв торговли людьми. Первая категория защищает свое право на жизнь, и число мигрантов продолжает расти[1]. К ним также относятся те, кто не может удовлетворять базовые потребности по причине отсутствия ресурсов (в частности, речь идет и о голоде). Торговля людьми, в свою очередь, также приводит к росту числа мигрантов, однако мотивация раба не имеет значения, поскольку все решения принимают преступные сообщества [14, с. 221] (*Kempadoo, Sanghera, Pattanaik, 2015*). Добровольные же мигранты покидают родину по своей воле и по своим мотивам, которые могут меняться под воздействием лишь их убеждений и установок.

Во-вторых, если абстрагироваться от витальных потребностей, мигранты в поисках лучшей доли покидают страну по двум мотивам: экономическому и политическому. Трудовые мигранты стремятся увеличить свой доход, и в последнее время их можно разделить также на высококвалифицированных специалистов и остальных. Именно первые провоцируют безвозвратную «утечку мозгов». Политические мигранты стремятся, с одной стороны, не изменить собственным убеждениям, а с другой — избежать агрессии политических субъектов на родине. При этом предполагается, что в противном случае эти люди будут преследоваться властями за их убеждения или вовсе убиты.

[1] Edmond C. The number of displaced people in the world just hit a record high. URL: https://www.weforum.org/agenda/2017/06/there-are-now-more-refugees-than-the-entire-population-of-the-uk/ (accessed 25.07.2018).

Студенческая миграция, когда существует возможность поехать в иную страну по учебной визе, может претендовать на отдельный мотив, но на практике она сопряжена не с абстрактным желанием учиться за рубежом, а дальнейшими планами [19, с. 202] (*Liu-Farrer, 2009*). Поэтому в рамках данной статьи студенческая миграция рассматривается как часть и предтеча экономической миграции высококвалифицированных специалистов.

В-третьих, мы говорим о праве мигрантов на улучшение условий жизни, но не об обязанности окружающего мира подстроиться под любые требования. Существуют легальные мигранты, которые соблюдают законодательство собственной страны и в большей степени — правила въезда и пребывания на территории иного государства. Как считается, в международной статистике содержатся весьма точные данные по числу мигрантов данного типа, в то время как другие мигранты не могут быть подсчитаны точно. Хотя это и спорная практика. Есть люди, пересекающие границу по подложным документам, а то и вовсе без них. Есть студенты и туристы, которые в обход ограничений нашли работу в стране-реципиенте. Есть и те, кто провел в стране время, превышающее срок действия визы. Именно поэтому легальность въезда не является исключительной чертой легального мигранта. В то же время определение «нелегальный» имеет негативную эмоциональную окраску и не отражает многообразия причин, по которым мигранты в данный момент не имеют легального статуса пребывания [22, с. 43] (*Rajaram, Grundy-Warr, 2004*). Более того, мигранты данного типа могут решить возникшие проблемы и вновь стать полностью легальными. Считаем, что для характеристики мигрантов, не имеющих легального статуса, больше подходят такие слова, как «нерегулярный» или «иррегулярный», что схоже не с частотой их въезда или депортации, а с лингвистической категорией неправильных глаголов. Наконец, длительность пребывания отлично разделяет мигрантов. Туристов и приезжающих в краткосрочный отпуск обычно не учитывают в числе мигрантов, поэтому можно определить этот тип как граждан иной страны, проводящих на территории данного государства от трех месяцев до года. В противном случае — это долгосрочные мигранты. В то же время возникает проблема налогообложения и резидентности, которая везде определяется по-своему. Среди долгосрочных мигрантов в каждой стране могут быть желающие стать гражданами, или теми, кто имеет вид на жительство, или, например, лицами, получившими еще одно гражданство. На данный момент отсутствует консенсус, каким образом подсчитать окончание периода миграции.

Предложенная выше классификация мигрантов — попытка очертить рамки в нестабильном явлении. Каждый мигрант проходит по той или иной графе таблицы, причем возможны различные сочетания по всем критериям. Например, в случае неурожая гражданин страны А может быть вынужден уехать работать за рубеж, чтобы заработать и присылать семье средства, на которые они смогут приобрести продукты питания. Или гражданин страны В, используя свой административный арест после акции протеста, нелегально въезжает на территорию иной страны и заявляет о необ-

ходимости предоставления политического убежища на зыбком основании. Также неохваченным остается вопрос апатридов, или лиц без гражданства, число которых превышает 3 млн человек [28]. Все указанные нестыковки показывают сложности с количественным анализом международной миграции.

Примечательно, что за 1990–2017 гг. число мигрантов возросло практически на 70% (с 153 до 258 млн человек). Важная роль отводится объективной стороне — глобализации, и субъективным аспектам, обусловленным региональными особенностями.

Также надо учитывать количественное изменение миграции за определенный период. Часто такой подход используют в национальной статистике для оценки влияния и эффективности миграции в рассматриваемой стране (табл. 2). Тем не менее расчеты подобного вида больше важны для оценки демографических показателей, а не международной миграции.

Одним из источников косвенной информации о миграции является платежный баланс страны — «отчет, отражающий в суммарном виде экономические операции между резидентами и нерезидентами за определенный период» [32]. Мигранты могут проходить по статьям оплаты труда, перемещения имущества и текущих трансфертов. Первое представляет собой заработную плату, выплаченную иностранным работникам, второе — оценку движимого имущества, которое граждане одной страны перевезли в другую, третье — переводы на родину.

Отдельного внимания заслуживает неоднократно упоминавшаяся «утечка мозгов», представляющая собой эмиграцию на постоянное место жительство за рубеж лиц с высшим образованием, покидающих родину в основном из-за низкой оплаты, плохих условий труда, отсутствия возможности самореализации. Это означает, что при создании подобия Кремниевой долины энтузиасты поедут именно туда вне зависимости от того, плохие у них условия или даже довольно благоприятные. «Утечка мозгов» разрушительно действует на страны-доноры, однако ценность эмигрирующих кадров редко возможно заранее оценить. По сути, площадки, позволяющие реализовать потенциал квалифицированных кадров, являются площадками опережающего развития, на которых создается благотворная для инновационного развития среда.

«Утечку мозгов» не рассчитывают отдельно от сальдо миграции, и остается только принимать на веру оценочные данные национальных статистических организаций. В России это осложняется и тем, что для точного подсчета требуется снятие с миграционного учета, которым пренебрегают эмигранты из страны, из-за чего отток квалифицированных специалистов на практике может превышать объем, фиксируемый статистикой.

Если статистика, как мы видим, лишь приблизительно отражает реальное положение дел, не логично ли добиваться совершенствования механизмов учета? На практике общие тенденции можно очертить и при текущем положении дел. Самым неоднозначным вызовом является иррегулярная миграция, которая по своей сути является теневой. Одной статистикой в этом вопросе не обойтись, поскольку требуются сов-

местные действия дипломатических работников, правоохранительных органов, таможенных сотрудников и т.д. Но в этом случае результатом будет (по текущим законам большинства государств) депортация, чего на данный момент не произошло. Именно иррегулярная миграция и будет оставаться проблемой, а с ней будет сосуществовать проблема учета мигрантов.

В политическом измерении миграция тесно связана с последующим приобретением гражданства. Ярким примером является распад СССР, когда практически мгновенно подскочил показатель международной миграции за счет изменения статуса жителей бывших союзных республик. Именно поэтому незыблемость государственных границ в контексте миграции носит относительный характер. Во многом количество мигрантов не играет такую роль, как факт получения политической субъектности. Мигранты в большой концентрации не остаются разрозненными, а объединяются в этнокультурные сообщества, которые позволяют участвовать в политическом процессе.

Гражданство в большинстве стран предоставляется по одному из трех принципов или их сочетанию друг с другом: ius sanguinis (лат. «право крови»), ius solis (лат. «право земли»), ius domicile (лат. «право проживания»). Первый принцип предполагает предоставление гражданства по этнокультурным признакам или в случае наличия родственников, уже являющихся гражданами данного государства. Данная практика закрепилась в Израиле. Второй принцип позволяет получить гражданство тем, кто родился на территории данного государства, например, США. Третий принцип предполагает получение гражданства по мере прохождения процесса натурализации. В действительности же ожидается постоянное проживание на территории выбранной страны с получением долгосрочной визы, вида на жительства и, наконец, гражданства. В каждом из этих случаев мигрант может перейти в совершенно иную категорию, получить новые права и обязанности.

Существует отдельный вид гражданства, получаемого за инвестиции в страну. К большинству мигрантов такой подход не относится, но он также важен для анализа денежных потоков, связанных с наиболее обеспеченными потенциальными мигрантами. Некоторые островные государства в Карибском бассейне (например, Сент-Китс и Невис, где гражданство стоит около 150 тыс. долл. США) позволяют купить гражданство в обмен на вложение существенной суммы в экономику страны. Многие государства предполагают благоприятный режим для таких доноров инвестиций, но зачастую лишь ограничиваются оформлением вида на жительства (например, в Венгрии он оформляется в обмен на инвестиции на сумму 300 тыс. евро). По сути, такой режим предоставления гражданства эквивалентен усеченному варианту ius domicile.

Также имеет место случай двойного гражданства, когда для одной страны человек продолжает являться эмигрантом, а для другой уже стал ее гражданином. Новые участники общественных процессов коренным образом меняют взаимодействие с избирателем, который еще недавно и не мог иметь дополнительных прав. Второе

гражданство дает мигрантам больше свобод и может даже закрепить их статус для страны-донора, что в случае «утечки мозгов» носит явно негативный характер.

В то же время иррегулярная миграция может считаться одной из угроз суверенитету страны, поскольку оттягивает государственные усилия на урегулирование сложившейся ситуации. Для решения подобных вопросов требуется политическая воля, нехватка которой наблюдается в старых демократиях Европы. В данном случае они представляют собой не обузу, а лишь вызов, которого страны не ожидали и с которым непременно предстоит справиться.

Так или иначе, вопрос миграции каждая страна решает, исходя из собственных соображений о справедливости и эффективности. Можно определить несколько видов государственных стратегий по включению мигрантов в политический процесс. Первый — ассимиляция, когда потенциальный гражданин может получить искомое лишь путем отказа от языковой, культурной и социальной идентичности и стать неотличимым от коренного населения [25, с. 77] (*Scott, Cartledge, 2009*). В противовес проводится политика мультикультурализма, когда среди населения существуют особенные общности, состоящие из мигрантов.

Поэтому тесным образом с миграцией связано понятие транснациональных сообществ, или диаспор [1, с. 205] (*Al-Ali, Koser, 2003*). Само название удобно тем, что не имеет негативной коннотации. Более того, диаспоры предполагают внутреннюю мотивацию своих членов, которые активно взаимодействуют не только между собой, но и с внешним по отношению к ним миром — коренным населением страны-реципиента и соотечественниками в стране-доноре. С другой стороны, диаспора является защитным механизмом сообщества, не будучи агрессивным по своей сути образованием.

Проблема мигрантов в Швеции. Формирование новой социальной общности

Одним из по-настоящему серьезных вызовов можно считать вопрос интеграции мигрантов в однородное сообщество. Рассмотрим данную проблему на примере Швеции, где проводимая с 1975 г. политика мультикультурализма, пришедшая на смену ассимиляции, привела сначала к росту трудовой миграции. Однако затем начался существенный рост нерегистрируемых официальной статистикой беженцев, что в 1989 г. вынудило страну ограничить прием мигрантов лишь категориями, учитываемыми ООН [16, с. 44] (*Larsson, 2014*).

Объем финансирования государственных программ по интеграции пятикратно вырос в период 2004–2015 гг. (с 670 млн до 3,3 млрд евро), однако вплоть до кризиса миграции в 2015 г. фактические расходы стабильно превышали плановые [10, с. 33]. В данный момент наблюдается нехватка ресурсов для повышения эффективности проводимых программ адаптации. Также не является очевидным, смогут ли мигранты

быть источником дохода для государства в длительном периоде, чтобы соблюдался баланс с расходами на пособия и пенсионное обеспечение.

Экзистенциальным вопросом для шведского общества становится степень доверия [20, с. 1901] (*McShane, etc., 2017*). Если большие волны миграции не смогли отрицательно повлиять на традиционно высокий уровень доверия к институтам (что в целом характерно для скандинавских стран), то последние исследования указывают на снижение доверия в обществе, когда в до этого не затронутых миграцией регионах увеличивается приток граждан стран дальнего зарубежья.

Мигранты изначально были только объектами политики, но в связи с высокой концентрацией и обособлением от других жителей государств они обрели субъектность. Международная политика также не может не учитывать мнение транснациональных сообществ, что проявляется в переговорах со странами-донорами для данных групп. Однако и страны, из которых приехали уже бывшие мигранты, не могут рассчитывать на безусловную лояльность уехавших граждан и на их поддержку. Диаспора в первую очередь поддерживает своих членов, и этому посвящена ее политическая работа.

Синтезируя положительные стороны транснациональных сообществ и эффект от «утечки мозгов», можно свести на нет отрицательные последствия отъезда специалистов. Диаспора может оказать влияние на своих членов, чтобы они передали часть своего опыта либо на родине, либо членам диаспоры, которые могут вернуться на родину. Большой вклад привнесли в т.ч. коллективы разработчиков программного обеспечения в Кремниевой долине, которые состоят из граждан стран Юго-Восточной Азии [24, с. 50] (*Saxenian, 2005*).

Каким образом создаются новые социальные общности? Предполагается, что мигранты в данном случае не растворяются в новой культуре, а ищут поддержку у таких же по статусу людей. Речь идет о миграции на постоянной основе, когда концентрация иностранных граждан вынуждает государство прикладывать усилия по встраиванию новых групп в уже сложившийся социальный порядок. Процесс ассимиляции предполагает несколько путей развития событий. В зависимости от государственного подхода можно выделить несколько стратегий ассимиляции (табл. 2). Несмотря на все усилия властей, именно мигранты решают, в какой степени принимать или сочетать элементы разных культур В то же время представители доминирующей культуры, используя официальные и неформальные рычаги воздействия на сообщества мигрантов, склоняют их к перемене отношения к собственной идентичности.

Первая стратегия сводится к принятию новой идентичности и отказу от старых лингвистических и этнокультурных установок. Представители миграционного этноса отказываются от своих привычек, происходит сдвиг в самосознании всей группы. С одной стороны, этот процесс может происходить, как и сама миграция, в добровольном порядке, когда культура страны-реципиента оказывается более привлекательной по различным причинам, например, более развитой в технологическом плане. Также благоприятную среду для ассимиляции первого рода создают

Таблица 3

Стратегии привития культуры по конечному результату (Strategies of Instilling Culture by Result)

	Неприятие новой идентичности	Принятие новой идентичности
Отказ от старой идентичности	Маргинализация	Ассимиляция
Сохранение старой идентичности	Сепарация	Интеграция
	Сегрегация (вынужденно)	

Источник: составлено автором.

межкультурные (интернациональные, межконфессиональные) браки. С другой стороны, принудительный характер также свойственен данной стратегии. Военный захват территории, на которой проживает определенная этнокультурная группа, и последующие действия, будь то геноцид, насильственное переселение или законодательно оформленное подавление свойственных группе культурных черт. Тогда представители группы теряют статус мигрантов и свои национальные особенности. Так или иначе, происходит переход к монокультурному обществу, что противоречит описанной политике мультикультурализма.

Одним из примеров реализации данной программы в Швеции можно считать миграционную политику страны после Второй мировой войны. С одной стороны, в стране оставались беженцы из балканских стран. В то же время сама страна, оставшаяся нейтральной в годы войны, ослабила требования к трудовой миграции, так как испытывала потребность в человеческих ресурсах для активизации послевоенного роста экономики. После создания Северного Совета (и общего рынка труда в странах Северной Европы) в 1953 г., одной из ключевых стран-доноров стала Финляндия — страна со схожей культурой. Шведскими властями поощрялся приезд специалистов из этой страны из-за ее второго государственного языка — шведского. Процесс ассимиляции дополнялся сокращением времени пребывания в стране для получения гражданства с 7 до 5 лет.

Вторая стратегия хорошо выделяется из теории социальной стратификации. Используя механизм маргинализации, возможно создать промежуточный слой мигрантов, которые находятся на стыке двух идентичностей [11, с. 39] (*Hall, 2014*). На практике это выражается в потере собственной идентичности по причине психологического стресса. Доминирующая культура оказывает давление на стремящихся адаптироваться мигрантов. Чем агрессивнее основная культура подавляет идентичность, тем сильнее осознание отсутствия значимости родной культуры, понимания незавидного положения, ощущение враждебности окружения. По сути, описанное —

проявления дискриминации, что может негативно сказываться на попытках сосуществования в новой для мигрантов культуре. Отсутствие чувства защищенности, беспокойство о своем положении и неуверенность в будущем трансформируются в тотальное недоверие и страх перед доминирующей культурой. Неблагоприятным вариантом развития событий является решение о возвращении на родину. В таком случае новая культура не прививается, и, по мнению доминирующего этноса, происходит возврат к status quo.

И последнее время Швеция сталкивается с проблемами такой стратегии. Не желая вести жесткую политику ассимиляции, страна поддерживает политику мультикультурализма. Однако миграционный кризис в Европе приводит к повышению нагрузки на миграционное ведомство. В итоге иммигранты не получают должной поддержки и чувствуют себя уязвимыми.

Некоторые обобщения

Если сообщество активно занимается защитой своих прав и своего образа жизни, то доминирующая культура не сможет подавать этнокультурные проявления. Отрицание новой культуры при сохранении старой идентичности носит название сепарации. Диаспора в данном случае становится закрытым сообществом, образующим внутренний круг общения [17, с. 300]. Тем не менее в отрыве от родного этноса мигранты уже не могут добиться схожего культурного вектора развития. Если в краткосрочной перспективе диаспора неотличима по культурным проявлениям от страны-донора, то впоследствии развитие идет по разным траекториям, в т.ч. по причине противодействия ассимиляции. В итоге культура эмигрантов имеет много общих черт с этнокультурными чертами их родной страны, но практически ничего общего с новой страной проживания.

Данная стратегия может проводиться довольно активно и носить сегрегационный характер. В таком случае вновь проводится дискриминационная политика по отношению к мигрантам, но не в настолько явном виде, как при насильственной ассимиляции. Такая проблема характерна не только для миграционных сообществ. По всему миру наблюдается различие в уровне жизни и престиже определенных районов и учебных заведений. На практике сегрегация проводится неформальными методами. На практике в странах, претендующих на роль лидеров свободного мира, подобная политика не проводится. Используются более мягкие методы интеграции, а в случае создания диаспор связи со страной-донором сохраняются.

Наконец, существует стратегия, которая всем знакома — интеграция, которая предполагает бикультурность. Сохраняются прежние культурные особенности, а также принимается новая культура [9, с. 872] (*Erdal, Oeppen, 2013*). Фактически происходит синтез нескольких пластов информации, но это возможно только при сотрудничестве стоящих за идентичностью групп. Меньшинство обязано следовать новым нормам

и правилам, а доминантная группа признает его права и адаптирует институты с уважением к привнесенным ценностям. Культурная толерантность обеих групп может привести к обогащению доминантной культуры и ее развитию.

Наиболее ясной иллюстрацией к данной стратегии является бикультурность граждан постсоветских государств в России. Если раньше культурные особенности носили локальный характер, то с распадом СССР они стали отличительными чертами иностранцев. Причем в обоих случаях это те же самые привычки и обычаи, ведь культурный водораздел остается прежним, но изменение политических границ вносит свою лепту в переквалификацию граждан в мигрантов.

Таким образом, любая стратегия культурной ассимиляции ведет к изменению взаимоотношения между доминантной культурой и меньшинством. Поскольку процесса взаимного обмена мнениями не избежать, необходимо выбрать вариант, соответствующий целям проводимой политики. Например, для монокультурного общества интеграция не является панацеей, поскольку может спровоцировать общественный кризис. Идея melting pot, или плавильного котла, приводит к формированию новой культуры, т.е. проявления доминантной социокультуры также преобразуются под воздействием контакта с иным этносом. Освещаемые в негативном ключе сегрегация и насильственная ассимиляция, со своей стороны, позволяют стабилизировать ситуацию в стране в ущерб новым этносам.

Заключение

Многие проблемы предстоит решить при прогнозировании и теоретическом осмыслении миграции. Не получил подтверждение тезис о том, что «утечка мозгов» ведет к необратимым изменением положения. Возможно, при рассмотрении упускается дистанционный обмен знаниями и возврат специалистов в долгосрочной перспективе. В результате работы были определены критерии классификации мигрантов, которые позволяют открыто и прозрачно проводить политику по отношению к различным группам. Более того, показана необходимость однозначного определения стратегии по отношению к группе меньшинств в зависимости от целей проводимой политики.

Одновременно вызывает опасения факт, что миграция поощряется в современном мире благодаря положениям о защите прав человека, но временами вопрос жесткости государственной границы противоречит теории. Неясно, тождественен ли переезд в другую страну пересечению ценностной границы. Очевидно, что при краткосрочном туризме такой трансформации не происходит. С другой стороны, решение о проживании в стране на нелегальной основе после окончания срока действия визы может быть принято заранее, что, по сути, изменяет категорию статус мигранта.

Также требуется определить цели миграционной политики. Решение демографических и экономических вопросов отходит на второй план при краткосрочном поли-

тическом цикле, и главной заботой становится лояльность избирателя. Для решения проблемы миграции требуется комплексный подход. Невозможно решить проблему «утечки мозгов» без обращения к социально-экономической повестке.

Наконец, в научном поле слабо освещается вопрос институтов миграции. Данная тема востребована среди мигрантов на практике, однако механизмы носят индивидуальный для каждой страны характер. Вопрос различия требований к трудовым мигрантам и беженцам и размышления о справедливости наталкивают на мысль о необходимости более открытых и современных институтов, которые смогут выдержать испытания нового времени.

Таким образом, многогранность такого явления, как миграция, оказывает воздействие на социально-экономическую сферу различных государств. Во-первых, необходимо сочетать взаимодействие правительств стран-реципиентов и доноров миграции в политическом плане, а также проводить социальную политику, направленную на диалог с сообществами мигрантов. Во-вторых, решение обозначенной проблемы невозможно без стратегического мышления, направленного на качественное управление миграционными потоками, а не лишь простое установление лимитов на въезд. В-третьих, политические лидеры должны проводить вербальные интервенции и готовить общество к значительным изменениям, успокаивая его и управляя настроениями. Конечным итогом будет ситуация, когда мигранты смогут реализовать себя как на родине, так и в иных странах. Для создания такого рода условий, как и всегда, потребуется политическая воля лидеров отдельных стран и мирового сообщества государств в целом, а также системность и непротиворечивость избираемой политики. •

ИСТОЧНИКИ:

1. Al-Ali N., Koser K. New approaches to migration?: transnational communities and the transformation of home. — London: Routledge, 2003. — 263 p.
2. Bosniak L.S. Universal Citizenship and the Problem of Alienage // Northwestern Law Review. — 2000. — p. 963. — doi: 10.2139/ssrn.232049.
3. Brettell C.B., Hollifield J.F. Migration Theory Talking Across Disciplines. Migration theory. — London: Routledge, 2014. — 13-48 p.
4. Castles S., De Haas H., Miller M.J. The age of migration: International population movements in the modern world. — New York: The Guilford Press, 2013. — 401 p.
5. Collier P. Exodus: How migration is changing our world. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — 320 p.
6. Duncan O.D. et al. Theory and consequences of mobility of farm population. — Stillwater, Ok.: Oklahoma Agricultural and Mechanical College, Agricultural Experiment Station. 22 p.

7. Edmond C. The number of displaced people in the world just hit a record high. Weforum. [Электронный ресурс]. URL: https://www.weforum.org/agenda/2017/06/there-are-now-more-refugees-than-the-entire-population-of-the-uk (дата обращения: 27.07.2018).
8. Ejermo O., Zheng Y. Liberalization of European migration and the immigration of skilled people to Sweden. IZA Journal of Development and Migration. Izajodm. [Электронный ресурс]. URL: https://izajodm.springeropen.com/track/pdf/10.1186/s40176-017-0111-5 (дата обращения: 25.07.2018).
9. Erdal M.B., Oeppen C. Migrant balancing acts: understanding the interactions between integration and transnationalism // Journal of Ethnic and Migration Studies. — 2013. — № 6. — p. 867-884. — doi: 10.1080/1369183X.2013.765647.
10. Flood L., Ruist J. Migration, en åldrande befolkning och offentliga finanser. Appendix 6 to the Long Term Economic Survey 2015, Swedish government report SOU. — 2015. 74 p
11. Hall S. Cultural identity and diaspora. Diaspora and visual culture. — London: Routledge, 2014. — 35-47 p.
12. Hynie M. Refugee integration: Research and policy // Peace and Conflict. — 2018. — № 3. — p. 265-276. — doi: 10.1037/pac0000326.
13. International migrant stock: The 2017 revision. Un.org. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml (дата обращения: 25.07.2018).
14. Kempadoo K., Sanghera J., Pattanaik B. Trafficking and prostitution reconsidered: New perspectives on migration, sex work, and human rights. — London: Routledge, 2015. — 324 p.
15. Koser K. Dimensions and dynamics of irregular migration // Population, Space and Place. — 2010. — № 3. — p. 181-193. — doi: 10.1002/psp.587.
16. Larsson G. Islam och muslimer i Sverige: en kunskapsöversikt // Nämnden för statligt stöd till trossamfund. — 2014. — p. 224.
17. Lavie S., Swedenburg T. Displacement, diaspora, and geographies of identity. — Duke University Press. — 1996. — 344 p
18. Lee E.S. A theory of migration // Demography. — 1966. — № 1. — p. 47-57.
19. Liu-Farrer G. Educationally channeled international labor mobility: Contemporary student migration from China to Japan // International migration review. — 2009. — № 1. — p. 178-204.
20. McShane K. et al. Getting Used to Diversity? Immigration and Trust in Sweden // Economics Bulletin. — 2017. — № 3. — p. 1895-1910.
21. Noja G.G., Cristea S.M., Yüksel A., Pânzaru C., Drăcea R.M. Migrants' role in enhancing the economic development of host countries: Empirical evidence from Europe // Sustainability. — 2018. — № 3. — p. 894. — doi: 10.3390/su10030894.
22. Rajaram P. K., Grundy-Warr C. The irregular migrant as homo sacer: Migration and detention in Australia, Malaysia, and Thailand // International Migration. — 2004. — № 1. — p. 33-64.

23. Reeves M. Border work: spatial lives of the state in rural Central Asia. Cornell University Press, 2014. 312 p
24. Saxenian A.L. From brain drain to brain circulation: Transnational communities and regional upgrading in India and China // Studies in comparative international development. — 2005. — № 2. — p. 35-61.
25. Scott S., Cartledge K.H. Migrant Assimilation In Europe: A Transnational Family Affair 1 // International Migration Review. — 2009. — № 1. — p. 60-89. — doi: 10.1111/j.1747-7379.2008.01147.x.
26. Standing G. Migration and modes of exploitation: social origins of immobility and mobility // Journal of Peasant Studies. — 1981. — № 2. — p. 173-211.
27. UN for Refugees and Migrants. Refuge. [Электронный ресурс]. URL: https://refugeesmigrants.un.org/definitions (дата обращения: 25.07.2018).
28. UNHCR Populations. Reporting. [Электронный ресурс]. URL: http://reporting.unhcr.org/population (дата обращения: 25.07.2018).
29. Wachter G.G., Fleischmann F. Settlement intentions and immigrant integration: The case of recently arrived EU-immigrants in the Netherlands // International Migration. — 2018. — № 4. — p. 154-171. — doi: 10.1111/imig.12434.
30. Апанович М.Ю. Политические аспекты миграционных процессов в современной Европе. / Научное издание. — М.: Аспект Пресс, 2018. — 176 р.
31. Кант И. Вечный мир. / пер. С.М. Роговина, Б.В. Чредина., 1905. — 9 с.
32. Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции. Imf.org. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopman6r.pdf (дата обращения: 15.12.2018).

REFERENCES:

Al-Ali N., Koser K. (2003). *New approaches to migration?: transnational communities and the transformation of home* London: Routledge.

Apanovich M.Yu. (2018). *Политические аспекты миграционных процессов в современной Европе* M.: Aspekt Press.

Bosniak L.S. (2000). *Universal Citizenship and the Problem of Alienage Northwestern Law Review. 94* 963. doi: 10.2139/ssrn.232049.

Brettell C.B., Hollifield J.F. (2014). *Migration Theory Talking Across Disciplines. Migration theory* London: Routledge.

Castles S., De Haas H., Miller M.J. (2013). *The age of migration: International population movements in the modern world* New York: The Guilford Press.

Collier P. (2013). *Exodus: How migration is changing our world* Oxford: Oxford University Press.

Edmond C. The number of displaced people in the world just hit a record highWeforum. Retrieved July 27, 2018, from https://www.weforum.org/agenda/2017/06/there-are-now-more-refugees-than-the-entire-population-of-the-uk

Ejermo O., Zheng Y. Liberalization of European migration and the immigration of skilled people to Sweden. IZA Journal of Development and MigrationIzajodm. Retrieved July 25, 2018, from https://izajodm.springeropen.com/track/pdf/10.1186/s40176-017-0111-5

Erdal M.B., Oeppen C. (2013). *Migrant balancing acts: understanding the interactions between integration and transnationalism Journal of Ethnic and Migration Studies. 39* (6). 867-884. doi: 10.1080/1369183X.2013.765647.

Hall S. (2014). *Cultural identity and diaspora. Diaspora and visual culture* London: Routledge.

Hynie M. (2018). *Refugee integration: Research and policy Peace and Conflict. 24* (3). 265-276. doi: 10.1037/pac0000326.

International migrant stock: The 2017 revisionUn.org. Retrieved July 25, 2018, from http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml

Kant I. (1905). *Vechnyy mir* [Eternal peace] (in Russian).

Kempadoo K., Sanghera J., Pattanaik B. (2015). *Trafficking and prostitution reconsidered: New perspectives on migration, sex work, and human rights* London: Routledge.

Koser K. (2010). *Dimensions and dynamics of irregular migration Population, Space and Place. 16* (3). 181-193. doi: 10.1002/psp.587.

Larsson G. (2014). *Islam och muslimer i Sverige: en kunskapsöversikt Nämnden för statligt stöd till trossamfund. 4* 224.

Lee E.S. (1966). *A theory of migration Demography. 3* (1). 47-57.

Liu-Farrer G. (2009). *Educationally channeled international labor mobility: Contemporary student migration from China to Japan International migration review. 43* (1). 178-204.

McShane K. et al. (2017). *Getting Used to Diversity? Immigration and Trust in Sweden Economics Bulletin. 37* (3). 1895-1910.

Noja G.G., Cristea S.M., Yüksel A., Pânzaru C., Drăcea R.M. (2018). *Migrants' role in enhancing the economic development of host countries: Empirical evidence from Europe Sustainability. 10* (3). 894. doi: 10.3390/su10030894.

Rajaram P. K., Grundy-Warr C. (2004). *The irregular migrant as homo sacer: Migration and detention in Australia, Malaysia, and Thailand International Migration. 42* (1). 33-64.

Saxenian A.L. (2005). *From brain drain to brain circulation: Transnational communities and regional upgrading in India and China Studies in comparative international development. 40* (2). 35-61.

Scott S., Cartledge K.H. (2009). *Migrant Assimilation In Europe: A Transnational Family Affair 1 International Migration Review. 43* (1). 60-89. doi: 10.1111/j.1747-7379.2008.01147.x.

Standing G. (1981). *Migration and modes of exploitation: social origins of immobility and mobility Journal of Peasant Studies. 8* (2). 173-211.

UN for Refugees and MigrantsRefuge. Retrieved July 25, 2018, from https://refugees-migrants.un.org/definitions

UNHCR PopulationsReporting. Retrieved July 25, 2018, from http://reporting.unhcr.org/population

Wachter G.G., Fleischmann F. (2018). *Settlement intentions and immigrant integration: The case of recently arrived EU-immigrants in the Netherlands International Migration. 56* (4). 154-171. doi: 10.1111/imig.12434.